

СМЕНА, ТРАНЗИТ ИЛИ ЦИКЛ: ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В УКРАИНЕ В 2004-2010 гг.

Ю. Мациевский

Ключевые слова: Украина, революция, трансформация, режим, демократия, авторитаризм.

Проблема изучения политических и общественных трансформаций имеет существенное теоретическое и практическое значение для обществ, находящихся в процессе перемен. К таким обществам относится и Украина.

Драматические события конца 2004 г. в Украине вызвали оживленную дискуссию по объяснению сущности “Оранжевой революции”, в ходе которой был предложен ряд прогнозов относительно возможных направлений изменений в обществе и государстве. Сегодня представляет интерес сравнить первоначальные выводы и оценки коллег. Главный вопрос, побудивший меня к этому исследованию, остается актуальным и сегодня. Изменился ли политический режим в Украине после “Оранжевой революции” и следует ли ожидать изменений режима после избрания на пост президента страны В.Януковича? В последние пять лет появилось достаточно работ, предлагающих объяснения источников соревновательности режима, причин смены власти в Украине в 2004 г., особенностей институционального устройства и динамики режима в сравнительной перспективе [Way 2005: 231-261; Hale 2006: 305-329; Гельман 2007: 81-109; D’Anieri 2006]. Тем не менее, четкого ответа на поставленный вопрос фактически дано не было, поэтому мое внимание в настоящей статье сосредоточено на трансформации политического режима в Украине в период 2004-2008 гг. В ней также учтены события, последовавшие за президентскими выборами 2010 г. Я попытаюсь ответить на несколько вопросов:

17

– Какой тип политического режима сформировался в Украине в период президентства Л.Кучмы?

– Является ли характер смены власти в Украине эволюционным или революционным?

– Почему за время президентства В.Ющенко украинские элиты не начали “играть по правилам”, как это предполагали некоторые исследователи [см. Гельман 2007: 99], а продолжали “играть с правилами”?

– Возможно ли сползание страны к авторитаризму с избранием В.Януковича президентом Украины?

В этом исследовании я буду использовать институциональный подход при объяснении траектории трансформаций режима [см. Fishman 1990: 422-440; Macridis 1986; Munck 1996; O’Donnell, Schmitter 1986]. В отличие от процедурного подхода, бытующего в постсоветской исследовательской тради-

МАЦИЕВСКИЙ Юрий, доцент кафедры политологии Национального университета “Острожская Академия”, докторант кафедры политологии Национального университета “Киево-Могилянская Академия”. Для связи с автором: yurium2000@yahoo.com

ции, и актороцентричного подхода, присутствующего в работах некоторых западных ученых, здесь режимом считается совокупность формальных и неформальных правил, которые требуют, разрешают или запрещают те или иные действия. Эти правила определяют тех, кто находится у власти, т.е. владеет правом принятия решений, а вместе с тем – посредством характера разделения властей – детерминируют и ограничивают отношения в центре политической власти (горизонтальные отношения между ветвями власти), а также – отношения между властью и остальной частью общества (вертикальные отношения). Признание правил всеми главными политическими игроками является условием консолидации режима [Skaaning б.г.].

Анализируя политические режимы, необходимо иметь в виду, что смена правительства или главных лиц при власти не обязательно ведет к смене режима. И также смена режима (хотя это случается значительно реже) может произойти без смены правительства (переход от парламентского к премьерскому правлению во время премьерства М.Тэтчер) или формы правления (приход к власти нацистов в Германии).

В этом исследовании политическим режимом я буду называть *институционализированную совокупность формальных и неформальных правил*, определяющих горизонтальные и вертикальные ограничения в способах осуществления власти, во взаимодействии носителей власти между собой и остальной частью общества.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА 1994-2004 гг. В УКРАИНЕ

18 Анализ типа политического режима в Украине в период президентства Л.Кучмы был одной из тем, которые не поощрялись властью. Официальные идеологи активно эксплуатировали тезис о том, что с 1991 г. Украина пребывает в переходном состоянии, двигаясь от тоталитаризма к демократии. Процесс демократизации должен был завершиться формированием правового и социального государства, гражданского общества и рыночной экономики.

Начиная с середины 1990-х годов понимание того, что декларированные цели расходятся с повседневной политической практикой, появилось в среде украинских интеллектуалов, а позже распространилось среди значительного числа граждан Украины. Лишь немногие исследователи, непосредственно занимавшиеся изучением политического режима, не питали иллюзий относительно его недемократичности, однако у них были существенные разногласия по поводу описания его типа. Одни определяли режим в категориях “неототалитаризма” [Полохало 1992; Полохало 1996; Полохало 1998], другие предлагали называть его “неопатримониальным” [Фисун 2006: 150-178], а некоторые вообще отказывались от конкретных терминов, используя понятие “переходный” [Колодїй 1999: 84-96]. Противоположные оценки режима, наверное, следует объяснить “догоняющим” состоянием политических исследований в Украине, и сегодня страдающих излишней описательностью и нормативностью.

В то время как украинские исследователи преимущественно занимались определением степени отдаленности политического режима в Украине от классического советского образца, западные теоретики пытались поместить украинский случай в более широкий теоретический и сравнительный кон-

текст. В результате появилось несколько концептов, объясняющих особенности постсоветских трансформаций в Украине.

При попытках перенести модель демократических переходов латиноамериканских государств на постсоветские реалии появились критические оценки целесообразности такого подхода. Вначале П. Кубицек (*P. Kubicek*), а позже Т. Карозерс (*T. Carothers*) выступили с критикой идеи необратимости демократических трансформаций в странах с авторитарным прошлым. П. Кубицек отметил, что особенности корпоративного государственного строя в Украине времен президентства Л. Кучмы приближают ее к латиноамериканским странам. Украину, как и Россию середины 1990-х годов он назвал “делегативными демократиями”, население которых остается пассивным в период между выборами¹.

Британский политолог украинского происхождения Тарас Кузьо (*T. Kuzio*) уточняет распространенный среди транзитологов тезис об Украине периода президентства Кучмы как “делегативной демократии”. Данная концепция, по мнению Кузьо, может быть использована только для Юга и Востока Украины, где население проявляло политическую активность в основном в период избирательных кампаний. Однако жители Западного и Центрального регионов Украины сохраняли гражданскую и политическую активность и в период между выборами [ibid: 270].

Т. Кузьо, следом за Т. Карозерсом и некоторыми другими западными исследователями, назвал Украину “гибридным государством” с соревновательным авторитарным режимом. Для гибридного государства характерным является сочетание остатков старой советской системы и новых экономических и политических институций. Режим соревновательного авторитаризма (по Т. Кузьо) определяется наличием двух тенденций: с одной стороны – доминирования олигархов под прикрытием центристских партий в парламенте, с другой – деятельностью оппозиции, препятствующей олигархическим группам установить полностью авторитарный режим. Благодаря тому, что провластные политические элиты времен Кучмы были разъединены, а оппозиция оставалась достаточно сильной, в Украине не удалось установить авторитарный режим в полном объеме.

19

По мнению Т. Кузьо, состояние нестабильного равновесия, сложившееся в Украине в период президентства Л. Кучмы, в случае победы на президентских выборах В. Януковича могло сместиться в сторону авторитарной консолидации, а в случае победы В. Ющенко – в сторону демократической консолидации. Однако, принимая во внимание события, происходившие в Украине после “Оранжевой революции”, последнее ожидание оказалось ошибочным.

Наряду с концепцией Т. Кузьо, отметим представление об Украине как о гибридном государстве с электоральным авторитаризмом (П. Даниери): здесь внимание сконцентрировано на влиянии советских институтов на политическое устройство, практику правления и процесс проведения реформ.

Убедительное объяснение механизма авторитарного государственного контроля в Украине и других постсоветских республиках предложил американ-

¹ Подробнее о дискуссиях между западными исследователями о сущности политического режима в Украине см. [Kuzio 2005: 167-190].

ский исследователь Кейт Дарден (*K.A. Darden*). Он утверждает, что в период президентства Кучмы Украина была “шантажистским государством”. Механизм государственного шантажа состоял из трех элементов: терпимого отношения государственного руководства к проявлениям коррупции, использования политической верхушкой аппарата государственного наблюдения за чиновниками среднего и нижнего звена с целью накапливания против них “компромата” и выборочного применения закона. Платой за благосклонное отношение власти была политическая лояльность к режиму, а наградой – привлечение к коррупционным схемам. Несогласных с режимом чиновников или даже рядовых граждан в любой момент могли раздавить с помощью налоговой администрации или других государственных структур [Darden 2001: 67-71]. Модель К. Дардена использовал украинский публицист М.Рябчук, проиллюстрировав механизмы осуществления власти во время президентства Л.Кучмы [Рябчук 2004].

В Украине, как и в большинстве постсоветских государств, отчетливо проявляется неопатримониальный тип власти, в отличие от рационально-бюрократического западного типа. На это обстоятельство указывают несколько исследователей [см. Шевчук 2000: 7-12; Фисун 2007: 123-137; Фисун 2006: 150-178]. Западный политолог Ханс ван Зон [Van Zon 2005: 12-22] называет режим Кучмы “бюрократическим”, а государство – неопатримониальным: “Украина не имеет консолидированного, современного государственного аппарата, а является скорее неопатримониальным государством, в котором каждый государственный служащий имеет свой фьеф (феодалное владение). Государственный аппарат напоминает паутину отдельных институций, в большей степени озабоченных защитой своих привилегий, чем служением обществу” [ibid: 15].

Как мы видим, политический режим в Украине времен президентства Л.Кучмы большинство ученых определяют как недемократический в диапазоне от неототалитарного (В.Полохало) до соревновательного полуавторитарного (Т.Кузьо). Подобный разброс оценок отражает колебания в сущности самого режима, который за десять лет прошел несколько этапов эволюции. В Украине времен Л.Кучмы, а также на протяжении всего президентства В.Ющенко более действенными оказались неформальные правила “политической игры”. Но и они нарушались и нарушаются главными политическими игроками. Это проливает свет на причины возникновения нескольких политических кризисов в Украине, проявившихся после смены власти.

На мой взгляд, политический режим в Украине в последние годы президентства Л.Кучмы можно рассматривать как своеобразную пирамиду неформальных институционализированных правил осуществления власти. Во главе этой пирамиды находился президент, который сам устанавливал правила. Ему, однако, не удалось полностью подчинить “олигархов” и предотвратить альтернативную координацию действий оппозиции, как это сделал В.Путин в России. Те, кто остался вместе с Кучмой, его ближайшее окружение (администрация президента) и отдельные члены семьи “играли по правилам”, поддерживали их и поэтому составляли второй уровень влияния. Третий, замыкающий уровень состоял из нескольких конкурирующих между собой финансово-промышленных групп. Те, кто поддерживал неформальные правила и власть президента, в обмен получали привилегии в

своем регионе. Те же, кто пытался создать альтернативную координацию, т.е. нарушал, противостоял или пытался изменить правила, были либо дискредитированы властью (П.Лазаренко), либо отвергались и подвергались прямым (Ю.Тимошенко) или косвенным преследованиям (В.Ющенко). Такой режим может быть охарактеризован как слабый патримониально-олигархический авторитаризм или неконсолидированная патримониальная олигополия.

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ПРОТЕСТ?

Большинство украинских исследователей и некоторые западные ученые характеризуют события ноября-декабря 2004 г. как революцию². Попытка политологического обоснования революционности этих событий более полно, на мой взгляд, была сделана А.Колодий и В.Якушиком [Колодій 2005; Якушик 2006: 19-36]. Их аргументы сводятся к тому, что в Украине состоялась не социальная, а политическая революция. В отличие от социальной революции, сопровождающейся насилием, политическая возможна и без него. Однако в Украине революционность проявилась в массовых силовых действиях (В.Якушик) или принудительном отбирании власти (А.Колодий). В результате революции в Украине поменялся политический режим.

На мой взгляд, разделение революций на социальные и политические является некорректным. Понятие политической революции впервые использовал К.Маркс для обозначения первого этапа социальной революции [Маркс 1959: 94]. По Марксу, каждая социальная революция является результатом политической, сущность которой — в свержении старой власти путем революционного восстания. Для мыслящего диалектично Маркса политическая и социальная революции были этапами одного процесса. Украинские же ученые не придали значения этому тезису, разграничив целостное понятие революции на два типа — социальную и политическую.

Думается, использование понятия “политическая революция” было обусловлено потребностью обосновать революционность событий конца 2004 г., несмотря на отсутствие в них насильственных действий. Политическая революция в интерпретации В.Якушика и А.Колодий выглядит эвфемизмом для обозначения политического переворота. Ни революции, ни переворота в Украине, однако, не было. *События ноября-декабря 2004 г. в Украине корректнее назвать широкомасштабными акциями политического протеста, спланированными лидерами оппозиции и поддерживаемыми значительным количеством украинских граждан, в результате чего произошло отстранение Л.Кучмы от власти.*

Утверждения о “внеправовой природе массовых силовых действий” или “принудительном отбирании власти” также уязвимы для критики. Блокирование протестующими здания правительства, перекрытие дорог, “принятие присяги” В.Ющенко, издание декретов “Комитетом национального спасения” — действия, которые В.Якушик называет “систематическим прямым давлением широких революционных масс” на разные ветви и органы власти, действительно осуществлялись с целью давления на действующую власть — но не более того.

² Обзор публикаций на эту тему, а также альтернативное объяснение событий к 2004 г. в Украине через категорию транзита были предложены мной в следующих публикациях: [Мацієвський 2005a: 7-22; Мацієвський 2005b: 29-39].

Указанные исследователи не объясняют, что же, по их мнению, является сущностью силовых действий или принуждения. В интерпретации В.Якушика, “силовые действия” и “давление” – явления одного порядка. Однако я придерживаюсь другой точки зрения. Силовые действия предполагают использование силы и выражаются через физическое противостояние. Сущностью же политического давления является оказание влияния на субъект принятия политических решений с целью придания ему характера, желаемого для инициатора давления. Таким образом, давление не может быть прямым; таковым может быть только принуждение в виде физического насилия.

Приведенные выше действия, как признает В.Якушик, “это специфические признаки не только революции. Это общие признаки как революции, так и бунта, восстания, переворота” [Якушик 2006: 27]. По моему мнению, подобные действия, скорее, должны быть признаны характеристиками *политического протеста*, нежели признаками революции или других, упомянутых выше насильственных действий, поскольку они таковыми не были. Ведь решение об аннулировании результатов второго тура выборов президента Украины принималось не на Майдане, а в Верховном Суде. Несмотря на политический характер данного решения, оно дало возможность выйти из кризисной ситуации без применения силы. Факт участия В.Януковича в третьем туре выборов, на фоне политических заявлений о его нелегитимности, свидетельствует о принятии им и членами его команды вердикта Верховного Суда. Кроме того, достижение политического компромисса во время серии “круглых столов” кандидатами на пост президента и действующим президентом Л.Кучмой является примером политического урегулирования кризиса, а не принудительного отбирания власти.

Наконец, свидетельством того, что события конца 2004 г. в Украине некорректно называть революцией (даже политической), является то, что новой, пришедшей к власти команде не удалось поменять фундаментальные “правила игры”, определяющие принципы осуществления власти, или политический режим (последний тезис получит развитие ниже).

Какие же события можно считать революцией? С.Хантингтон, рассматривая революции в контексте модернизации, называет следующие характеристики революции: 1) насильственный характер действий; 2) глубокая, фундаментальная смена существующего строя и социальной структуры общества; 3) радикальная смена политических институтов и всей политической системы [Huntington 1986: 39]³. Представители структурной теории революции Т.Скокпол и Э.Тримбергер называют три необходимых и достаточных условия революции: 1) международное давление со стороны более развитых государств; 2) конфликт между традиционными элитами и государством; 3) организованная массовая мобилизация снизу, направленная против представителей центральной власти на местах [Scocpol, Trimberger 1986: 59-65]. Наиболее авторитетный современный исследователь революции Дж.Голдстоун, обобщая достижения представителей четвертой генерации исследований революции, выделяет перечень обязательных условий этого

³ Детальнее о теоретических объяснениях революции см. [Маціевський 2005б: 29-39; Фисун 2006: 179-207].

феномена: 1) кризис государства; 2) резкая поляризация элит; 3) кризис народного благосостояния; 4) возникновение коалиции части элит и народных масс; 5) существование той или иной оппозиционной идеологии, объединяющей элиты и массы в их борьбе против власти [Goldstone 2003: 81-82].

Из пяти перечисленных Дж.Голдстоуном условий в Украине присутствовали только два – раскол элит и экстенсивная (идеологическая) мобилизация оппозицией жителей преимущественно Запада и Центра Украины. При этом сторонники кандидата в президенты В.Януковича использовали интенсивную (административную) мобилизацию жителей Востока и Юга страны. Виртуальные линии раскола элит, вызванные борьбой за власть в преддверии ухода президента Л.Кучмы, не совпали с технологией цивилизационного раскола, предпринятого российскими политтехнологами В.Януковича. Революции не происходят в отдельных регионах. Революция предполагает массовую мобилизацию по классовому, религиозному, идеологическому, этническому признаку или их комбинации. Худшее, к чему могла бы привести технология противостояния по культурному и этническому признаку, была бы гражданская война, но не революция. Более того, со сменой власти в Украине социальная архитектура, качество и структура элит остались неизменными. При этом в обществе сохраняются диспропорции, поскольку количество представителей среднего класса никогда не превышает 15%, а пополнение элит происходит путем репродукции, а не циркуляции [см. Мацієвський 2010: 38-55]. Если к сказанному добавить, что революции – это преимущественно продолжительные процессы, занимающие от нескольких месяцев до нескольких лет (т.е. макрособытия), активизирующие все слои общества, то становится понятно, что признать события конца 2004 г. в Украине революцией довольно проблематично. Вместе с тем, они имели некоторые признаки революционности: политический кризис, который длился, начиная с объявления результатов второго тура выборов и заканчивая решением Верховного Суда о признании их недействительными и назначении повторного голосования; политическая мобилизация значительного количества граждан; противостояние власти и оппозиции; политическая поляризация в обществе. Тем не менее, это не дает оснований определить данные события как революцию, путч, мятеж или переворот. “Оранжевую революцию” можно рассматривать как событие и как часть более широкого процесса. Дискретный анализ, на мой взгляд, лучше осуществлять сквозь призму политической социологии на микро- и макро- уровнях. Микроуровень указывает на динамику элит, а макроуровень – на динамику социальной структуры. Такой подход позволяет сделать вывод о том, что *в Украине состоялась ненасильственная смена правящей элиты при участии населения в массовых акциях политического протеста в период президентской избирательной кампании. Другими словами, произошла ротация элит, что, на первый взгляд, выглядело как падение режима.* Именно первоначальное впечатление о смене правящих элит в Украине подтолкнуло даже внимательных западных исследователей к выводу о падении режима [Aslund б.г.].

Анализ событий ноября-декабря 2004 г. в Украине с более широкой перспективой можно осуществить сквозь призму транзита, или перехода. Если использовать предложенную Ф.Шмиттером и Г.О’Доннеллом классическую

трехэтапную модель перехода и несколько скорректировать ее в соответствии с местными условиями, то экспланационный потенциал модели остается довольно-таки высоким [см. O'Donnel, Schmitter 1986: 6-14]. Началом перехода считается либерализация старого режима. В Украине, как и во всем СССР, либерализация началась в конце 1980-х годов. Правда, в Украине "перестройка" стартовала с некоторым отставанием от Москвы, что было характерным в отношениях между имперским центром и республиками. Провал путчистов в августе 1991 г. и провозглашение суверенитета России, Украины и других республик бывшего СССР ознаменовал начало демократизации, или второго этапа перехода. С этого момента динамика и глубина реформ в каждой республике стали особыми. Так, в прибалтийских республиках переход осуществлялся более поступательно и линейно, тогда как в Украине, Беларуси и России поступательность и линейность были прерваны в разное время. В Беларуси сворачивание демократизации состоялось с приходом к власти А.Лукашенко. В Украине и России темп реформ начал снижаться приблизительно одновременно – с переизбранием президентов Л.Кучмы и Б.Ельцина на второй срок. Это дало основание некоторым западным исследователям говорить о появлении "гибридных" государств, которые застряли в условной "серой зоне" и не способны из нее выйти. За фасадом слабо выраженных демократических институтов в трех славянских республиках начали формироваться авторитарные режимы, каждый из которых имел свои особенности. Остановка демократизации и возвращение к патримониальному господству и султанизму происходило также в кавказских и среднеазиатских республиках [Eke, Kuzio 2000: 523-547]. Таким образом, демократизация была свернута правящими элитами в большинстве постсоветских государств.

Ненасильственная смена власти в Грузии (2003 г.) и Украине (2004 г.) могла положить начало повторной демократизации в этих странах. В то же время не совсем мирный способ смены власти в 2005 г. в Киргизстане, неудача оппозиции на парламентских выборах 2005 г. в Азербайджане и президентских выборах 2006 г. в Беларуси свидетельствуют об остановке демократического импульса на постсоветском пространстве [Silitski б.г.].

Теоретики транзита разработали несколько моделей перехода. Эти модели могут быть объединены в два общих типа: радикальный и умеренный (иначе: протест и пактирование) [см. Банс 2007: 102-103]. Радикальным путем режим изменялся в тех странах, в которых старая элита полностью утратила легитимность. В таком случае смена режима происходит либо путем абдикации (отказ от власти), как это случилось в 1989 г. в Чехословакии и ГДР и в 2003 г. в Грузии, либо вследствие массовых протестов и/или насилия – в 1989 г. в Румынии и в 2005 г. в Киргизстане.

Умеренный вариант перехода предполагает победу оппозиции на выборах, которая или ведет переговоры со старой элитой о путях и методах проведения реформ, или допускает проникновение представителей старой элиты в структуры власти. Последний из указанных путей является достаточно длительным. К тому же, при сохранении позиций старой элиты во власти возможны отклонения и остановки процессов демократизации. Именно так развивались события в Украине после 1991 г. Провал проекта создания демократической коалиции в 2006 г. и формирования правительства из предста-

вителей предыдущей власти свидетельствует о сохранении указанной тенденции, а также об очередной паузе в процессе демократизации.

ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКОГО ВАРИАНТА ТРАНЗИТА

Во-первых, украинский транзит является более длительным и неопределенным, чем переходы в восточноевропейских или прибалтийских государствах, и поэтому попадает в четвертую, инверсионную волну демократизации [см. McFaul 2002; Фисун 2006: 134-150].

Во-вторых, траектория трансформаций политического режима имеет зигзагообразный характер, свидетельством чего являются отклонения и остановки, более выраженные, чем в государствах Восточной Европы или Прибалтики. Так распад „помаранчевой коалиции” после выборов 2006 г. и формирование коалиции во главе с Партией регионов, по оценкам международной неправительственной организации *Freedom House*, продемонстрировал ухудшение показателей демократических изменений в Украине. Та же тенденция сохранилась и в 2007-2010 гг. [см. Nations in Transit 2010].

В-третьих, возможность начать реальные реформы во всех областях общественных отношений, открывавшаяся после смены власти в 2004 г., впоследствии была утрачена. Причиной является глубокая фрагментация и неэффективность элит. “Вынужденный плюрализм” времен Кучмы привел к острому соперничеству не только между оппозиционной и властной элитами но и внутри последней. Вместо компромисса и сотрудничества главные политические игроки предпочли “игру до победного конца”, т.е. “игру с нулевой суммой”, закончившуюся взаимным проигрышем. Парадоксальное поведение элит объясняется логикой эскалации конфликта: цена победы (пост президента с усиленными полномочиями) кажется выше цены участия в конфликте. Возможность использования ресурсов (общенационального богатства) в этой борьбе не ограничена какими-либо формальными или неформальными правилами. Результаты острого соперничества элит проявились в конце 2008 г., когда уже в начале мировой рецессии Украина оказалась среди стран наиболее пострадавших от кризиса.

Таким образом, политические элиты страны продемонстрировали крайний эгоцентризм, безответственность и непрофессионализм, что привело к остановке демократических преобразований и, по сути, отбросило Украину назад к уровню 2004 г.

Президентские выборы 2010 г., в целом открытые и конкурентные, тем не менее не принесли (да и не могли принести) качественных изменений, поскольку за пост президента во втором туре соревновались лидеры двух крупнейших бизнес-политических проектов – Партии регионов и Блока Ю.Тимошенко. Поспешные действия команды избранного президента В.Януковича во внешней политике (отказ от вступления в НАТО), политике безопасности (намерение осуществлять политику нейтралитета), гуманитарной сфере (намерение ревизовать историю по российскому образцу) указывают на то, что Украина все больше отклоняется от вектора демократического развития и попадает под влияние России.

Условно периодизация (политических и общественных трансформаций) транзита в Украине может быть определена следующим образом: Первый этап – либерализация – с конца 1980-х годов до 1991 г. Второй – “демолигархизация”, или

власть финансово-промышленных групп за фасадом формальных демократических институтов — с 1991 г. до конца 2004 г. В этот период в Украине советский номенклатурный авторитаризм трансформировался в современный кланово-олигархический авторитаризм⁴, возникли и укрепились несколько политико-экономических групп (ПЭГ), которые фактически захватили государство⁵. Третий этап (2005-2010 гг.) может быть представлен как “постреволюционный кризис”, обострение которого в 2008 г. совпало с глобальным экономическим кризисом. Определяющей чертой этого этапа является вторая после 1991 г, но неполная смена элит, наступившая в результате “Оранжевой революции”, а сущностью — соревнование между бизнес-политическими группами — с одной стороны, и желание остаться у власти, сохраняя позитивный имидж у граждан — с другой. Демократический импульс “Оранжевой революции” произвел некоторые изменения в высших эшелонах власти, в составе правящей элиты, но не принес ожидаемых изменений ее качества. Впрочем, следует отметить увеличение политической конкуренции и плюрализма, свободы деятельности СМИ, а также формирования гражданских политических ориентаций у жителей большинства регионов страны [см. Материалы...].

Четвертый этап начался в 2010 г. с избранием президентом Украины В.Януковича. Первые шаги президента во внутренней политике свидетельствуют о стремлении восстановить политическую стабильность и управление государством сверху, административным путем. Поэтому, судя по указанным действиям, этот этап можно определить как “бюрократическая стабилизация”. Эти инициативы, вероятно, несколько упорядочат механизм государственного управления, но не принесут качественных изменений, поскольку осуществляются представителями постсоветской бюрократии со старыми административными методами.

Чем завершится трансформация и сколько будет последующих этапов, с уверенностью сказать трудно. Учитывая негативные внутренние (политический и финансово-экономический кризис) и внешние (глобальная рецессия) факторы, сложившиеся в 2008-2010 гг., рассчитывать на быстрое восстановление стабильности и продолжения демократических преобразований не приходится.

СМЕНА ВЛАСТИ ИЛИ СМЕНА РЕЖИМА?

Если до “Оранжевой революции” в Украине существовал слабый олигархический авторитаризм, то во время президентства В.Ющенко режим трансформировался в “дефектную демократию”, которая отличается от либеральной по трем показателям: политического участия, политической конкуренции и конституционализма (предполагающего соблюдение Конституции всеми главными политическими игроками и гарантии прав и свобод граждан [Меркель, Круассан 2002]). В период президентства В.Ющенко демократические правила игры не стали общепринятыми, а дефектная демократия не превратилась в либеральную.

⁴ Близкое, но не тождественное моему объяснение особенностей политических трансформаций в Украине предпринято в указанном исследовании А.Фисуна [Фисун 2006].

⁵ Тезис о том, что Украину можно считать “захваченным государством” (Captured State) хорошо обоснован в литературе. См. напр. [Omelyanchuk б.г.]

Для обоснования данного тезиса я предлагаю сравнить формальные и неформальные институты (правила осуществления власти), т.е. то, что я рассматриваю в качестве ключевой характеристики политического режима времен президентства Л.Кучмы и В.Ющенко. Формальными институтами принято считать конституционное разделение полномочий между основными представителями государственной власти, в то время как неформальные институты (политические традиции и практики, проявляющиеся в стиле принятия политических решений, политической ответственности власти, признании и выполнении правил) формируются под влиянием культурно-исторических факторов и являются особенностью той или другой страны.

Что изменилось:

- С 1.01.2006 г. вступили в действие дополнения к Конституции Украины от 8.12.2004 г., которые существенно ограничили полномочия президента, на что указывает индекс президентской власти (ИПВ)⁶, и усилили полномочия премьер-министра. Премьер фактически стал ключевым игроком в политической системе. Перераспределение полномочий усилило соперничество между президентом и премьером, а также между Кабинетом Министров и Парламентом. Однако неэффективность политической реформы привела к серьезному институциональному кризису в апреле-июне 2007 г., сомнительному, в правовом отношении, роспуску парламента и очередному политическому компромиссу, сущностью которого явилось решение ведущих политических “игроков” провести внеочередные парламентские выборы в сентябре 2007 г.

- Выход на поверхность политических интриг в окружении В.Ющенко указывает на нежелание и/или неспособность команды президента держать все внутренние процессы под контролем. Тем не менее, это свидетельствует о большей открытости нынешней власти по сравнению с президентством Л.Кучмы.

- Поменялась риторика власти (идеологема стабильности сменилась идеологемой проведения реформ).

- Изменилось отношение власти к СМИ и улучшилось их положение в стране.

- В начале президентства В.Ющенко происходили позитивные изменения в сотрудничестве государственных и негосударственных организаций, однако вскоре интерес власти к институтам гражданского общества заметно охладел.

Что не изменилось:

- Не было завершено ни одно расследование деятельности высокопоставленных должностных лиц по фальсификации результатов президентской избирательной кампании; не привлечен к ответственности ни один высокопоставленный чиновник за коррупционные действия; не закончено следствие по делу об убийстве Г.Гонгадзе.

- Не была проведена реформа правоохранительных органов и в полном объеме не осуществлена реформа судебной системы. Поэтому нарушения прав граждан во время задержания и проведения досудебного следствия не прекратились.

⁶ ИПВ, рассчитанный по методике Л.Йохансена и О.Норгаарда, составил 40,4 балла по сравнению с ИПВ в 47,7 баллов до изменений к Конституции. Максимальное количество баллов – 60 [см. Мозоль 2010].

- Система общественного вещания, о которой много говорилось представителями “оранжевых”, так и не была создана.

Перечень декларированных, но не реализованных при президенте В.Ющенко обещаний, можно было бы продолжить. Здесь я выделил только те позиции, которые в случае их воплощения в жизнь должны были означать утверждение „ценностей Майдана” и тем самым демонстрировать изменения в принципах осуществления власти.

Что оставалось неизменным:

- По-прежнему непрозрачным и непубличным остался стиль принятия политических решений. Так, по словам Е.Захарова, Председателя правления Украинской Хельсинкской группы и сопредседателя Харьковской правозащитной группы, за 10 месяцев 2005 г. президент В.Ющенко издал 42 указа с грифом “для служебного пользования (ДСП)”. Из них пять указов были изданы после 1 апреля 2005 г., когда президент дал публичное обещание подобную практику не использовать. За тот же период Кабинет Министров принял 13 постановлений и распоряжений с грифом “ДСП” [Захаров 2005: 17]. Следовательно, по утверждению Е.Захарова, практика использования незаконных грифов сохраняется, хотя и в меньшей степени, чем при президенте Л.Кучме. Другими яркими проявлениями непрозрачности принятия решений является соглашение от 4 января 2006 г. о поставках газа в Украину и результаты выборов Председателя Верховной Рады 6 июля 2006 г.

- Сохранялась практика неконкурентного назначения кандидатов на должности разных рангов, что ознаменовалось провалом кадровой политики новой власти⁷ в отличие от успешной кадровой реформы, предпринятой после смен власти в Грузии.

- Коррупция, как системное явление, не была ограничена. Это значит, что отношения между представителями власти и гражданами в целом сохранили патронажно-клиентельский характер. По оценкам *Transparency International*, в 2005 г. по уровню коррупции Украина занимала 107-е место среди 158 стран мира. С показателем 2.6 из 10.0 возможных (чем ниже индекс, тем выше уровень коррупции) Украина оказались рядом с Никарагуа, Палестиной, Вьетнамом, Замбией и Зимбабве. В 2006 и 2007 гг. уровень коррупции снизился, но незначительно. В 2006 г. страна находилась на 99-м месте с показателем 2.8, но уже в 2009 г. опустилась на 146-е место с наихудшим с 2004 г. индексом 2.2, оказавшись между Россией, Сьерра-Леоне и Зимбабве [см. Отчет... 2009]. Публичное обвинение президента В.Ющенко премьером Ю.Тимошенко в прикрытии действий Нацбанка, приведших к 50% падению национальной валюты по отношению к американскому доллару в течении трех последних месяцев 2008 г., нужно рассматривать не столько как свидетельство личного противостояния Ю.Тимошенко и В.Ющенко, сколько как факт проникновения коррупции в высшие эшелоны власти [см. Стенограмма... 2008].

- В Украине не были ликвидированы структуры, осуществляющие прослушивание телефонных разговоров государственных служащих, политиков и отдельных граждан. По словам В.Сивковича (депутата Верховной Рады от

⁷ См. публикации Ю.Мостовой, С.Рахманина, Н.Пестряковой в украинской еженедельной газете “Зеркало недели” № 1, 3, 17 за 2005 г.

Партии регионов), в первый год президентства В.Ющенко оставалось около 30 структур, занимающихся снятием информации с каналов связи [см. Программа... 2006]. Для сравнения: в 2002 г. было выдано 40 тыс. санкций на снятие информации, а за 9 месяцев 2005 г. — 11 тыс. санкций [Захаров 2005: 7]. Примером сохранения такой практики стал скандал с прослушиванием сотрудниками СБУ кабинета экс-министра юстиции Р.Зварича.

• Осталась без изменений фискальная политика государства с ее главным институтом — налоговой милицией.

Следовательно, новая власть не сумела победить “наследие Кучмы”, что может свидетельствовать как о глубине проникновения политической коррупции во все поры общества, так и о “заражении” этой болезнью “оранжевой” власти. Неспособность преодоления пороков режима Кучмы свидетельствует о *принадлежности команды Ющенко и Тимошенко к классу рентоориентированных политических предпринимателей.*

Инфляция моральных устоев политического класса, сохранения политической коррупции, непубличность принятия политических решений и вышедшее на поверхность личное и командное противостояние между В.Ющенко и Ю.Тимошенко привели к разочарованию значительного количества граждан в “случайных демократах” и приходу “донецких” к власти.

При исследовании переходных режимов, наряду с приведенными выше постоянными индикаторами политического режима, на мой взгляд, следует принимать во внимание и несколько переменных, которые помогут четче объяснить характер переходного режима. К их числу я отношу: структуру господствующих групп (элит) в обществе, статус и состояние оппозиции, влияние неинституционализированных групп интересов на политический процесс. Как правящая, так и оппозиционная части политического класса сохраняли такие черты, как фрагментарность, фракционность, внутренние конфликты и отсутствие общих ценностей, которые могли бы стать основой для выработки общенационального консенсуса. Раскол в команде “оранжевых” сделал невозможным не только формирование единой предвыборной коалиции на выборах 2006 г., но и формирование демократического большинства в Верховной Раде. На внеочередных парламентских выборах 2007 г. Блок Юлии Тимошенко и блок “Наша Украина — Народная самооборона” все же смогли совместно получить более половины мест в ВРУ и с большим трудом создали “демократическую коалицию”. Однако личные, тактические и стратегические интересы В.Ющенко и Ю.Тимошенко, а также их команд во многом не совпадали, что привело к серьезному противостоянию и разногласиям по ключевым вопросам внутренней и внешней политики, распаду коалиции в сентябре 2008 г. и, как следствие, политическому хаосу и глубокому экономическому кризису.

Статус оппозиции остался неурегулированным, хотя ее положение заметно улучшилось по сравнению с периодом второго президентства Л.Кучмы. Жалобы представителей Партии регионов и КПУ на политические репрессии новой власти после выборов 2006 г., скорее, следует воспринимать как признак изменений в положении оппозиции, чем как проявления (чего нельзя исключать в отдельных случаях) политической мести.

Влияние неинституционализированных групп интересов (ПЭГ) на политический процесс в Украине и процессы принятия решений немного умень-

шилось по сравнению с периодом до 2004 г., однако сами ПЭГ сохранились и даже появились новые⁸. Наиболее мощная среди них политическая и бизнес-структура Р.Ахметова является сегодня финансовым мотором Партии регионов, за которую на выборах 2006-го и 2007 гг. избиратели отдавали больше голосов, чем за другие партии и блоки. Этот успех лидер ПР В.Янукович закрепил на президентских выборах-2010.

Очевидно, что в “оранжевой” Украине после смены первых лиц государства и значительного количества представителей элиты второго эшелона власти (председателей областных и районных администраций) фундаментальные правила “политической игры” фактически не изменились. Изменилась лишь одна составляющая режима – субъекты власти.

Ослабли горизонтальные ограничения режима (обострились отношения между ветвями власти). Если Л.Кучма значительно влиял на законодательную и судебную ветви власти и тем самым являлся доминантой политического пространства, то при В.Ющенко отношения между ветвями власти приобрели выраженный соревновательный, даже конфликтный характер. Вместе с тем влияние оппозиционных сил на политический процесс заметно возросло. Однако соревновательный или “вынужденный” плюрализм, существующий в Украине, так и не превратился в органичный, демократический плюрализм.

Вертикальные ограничения почти не изменились. Влияние гражданского общества на власть после массовых акций политического протеста конца 2004 г. существенно ослабло. В то же время, представители как власти, так и оппозиции использовали популистские действия для манипуляции общественным сознанием. Примерами таких действий является инициированная правительством Ю.Тимошенко кампания по выплате сбережений бывшим вкладчикам сбербанка СССР, а также антинатовская риторика, используемая парламентскими фракциями ПР и КПУ и через российские и подконтрольные им украинские СМИ вброшенная в общество.

Поэтому есть основания утверждать, что политический режим изменился лишь в части субъектов, что способствовало его трансформации от слабого патримониально-олигархического авторитаризма к дефектной демократии. Что же касается институтов, определяющих взаимодействие акторов, то они принципиально не изменились.

Для верификации тезиса об инерционности режима я использую индикаторы смены режима, разработанные британской неправительственной организацией “*Policy Exchange*” [см. *Regime Change...*]. Специалисты этого центра предложили семь индикаторов смены режима. Эти индикаторы, сформулированные в форме вопросов, дают возможность проверить, насколько, если вообще, изменился политический режим в той или иной стране. Режим считается измененным, если произошел резкий разрыв с персоналом, структурами и политикой системы, которая была устранена.

Индикаторы смены режима:

1. Насколько успешно и полно процесс устранил высшее руководство прежнего режима? Прежнее руководство устранено? *Ответ* – Да.

⁸ См. материалы еженедельника “Зеркало недели” (<http://www.zn.ua/1000/1550/60724/>), а также публикации Н.Гузенко и Е.Струк в журнале “Контракты” (http://kontrakty.com.ua/show/ukr/full_main/402008.html).

2. Какие качественные изменения произошли внутри прежних поддерживающих структур (высший уровень бюрократии, вооруженные силы, представители судебной ветви власти)? Поддерживающие структуры реформированы? *Ответ* – Частично, на уровне среднего звена.

3. Была ли попытка преодолеть социальные, политические и экономические последствия существования прежнего режима? Последствия существования прежнего режима устранены? *Ответ* – Фактически нет.

4. Появилась ли новая структура элит и как она соотносится с первичными целями смены режима? Произошла смена элит? *Ответ* – Политическая элита изменилась примерно на треть.

5. Повлиял ли процесс на изменение и рассредоточение экономической власти? Экономическая власть рассредоточена? *Ответ* – Фактически нет.

6. Был ли ощутимый рост гражданского общества? Гражданское общество укрепилось? *Ответ* – Да.

7. Установил ли процесс свободные и честные выборы, новую конституцию, независимую и эффективную систему управления? Политическая система изменилась? *Ответ* – Да, но старые проблемы остались.

Общая оценка. Руководство изменилось, но серьезных изменений в способах осуществления власти не произошло

Инерция влияния институтов старого советского режима определяла ситуацию в Украине при президенте Л.Кучме. На протяжении всего периода президентства В.Ющенко, мы наблюдали проявление тех же приемов и правил осуществления власти. Прежние практики и институты сохранили свое влияние, а новые – в виде люстрации, налоговой, административно-территориальной реформы, реформы местного самоуправления – так и не были реализованы. Таким образом, анализ постоянных и переменных индикаторов политического режима в Украине, а также индикаторов смены режима дает основание определить его как *слабо институционализированную (дефектную) демократию, в котором неформальные правила доминировали над формальными институтами.*

Схожее определение современного политического режима в Украине встречается и в оценках экспертов международной неправительственной организации *Freedom House* [Nations in Transit 2010] (см. табл.).

Таблица

Показатели состояния свободы и демократии в Украине

Показатели	1997	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Избирательный процесс	3,25	4,25	3,50	3,25	3,00	3,00	3,50	3,50
Гражданское общество	4,00	3,75	3,00	2,75	2,75	2,75	2,75	2,75
Независимость СМИ	4,50	5,50	4,75	3,75	3,75	3,50	3,50	3,50
Государственное управление	4,50	5,25	5,00	4,50	4,75	4,75	5,00	5,00
Местное самоуправление	-		5,25	5,25	5,25	5,25	5,25	5,25
Конституционный строй, законодательство и судебная система	3,75	4,75	4,25	4,25	4,50	4,75	5,00	5,00
Коррупция	-	5,75	5,75	5,75	5,75	5,75	5,75	5,75
Шкала демократизации	4,00	4,88	4,50	4,21	4,25	4,25	4,39	4,39

Приведенная выше таблица составлена по данным мониторинга, проводимого по специальной программе в 27 посткоммунистических странах международной правозащитной организацией *Freedom House*. В соответствии с методологией мониторинга “1” означает полное соответствие стандартам демократического правления, а более высокие значения характеризуют уровень несоответствия этим стандартам. Политический режим страны, суммарный показатель которого (шкала демократизации) находится в пределах “1–2”, определяется как “консолидированная демократия” (*Consolidated Democracy*); близкий “3” – соответствует “полуконсолидированной демократии” (*Semiconsolidated Democracy*); “4” – “переходному правлению или гибриднему режиму” (*Transitional Government or Hybrid Regime*); “5” – “полуконсолидированному авторитарному режиму” (*Semiconsolidated Authoritarian Regime*); в пределах “6–7” – “консолидированному авторитарному режиму” (*Consolidated Authoritarian Regime*).

В целом трансформационные процессы, происходившие в Украине, не следует рассматривать в линейной плоскости. На мой взгляд, более корректно было бы говорить о зигзагообразном характере политических трансформаций. В этой связи можно рассматривать два разновекторных процесса. Первый связан с изменениями политических институтов в направлении демократии. Второй – с движением в обратном направлении – сохранением и развитием институтов авторитарного режима. Другими словами, траекторию трансформации политического режима в Украине с 1991 по 2008 гг. следует рассматривать сквозь призму процессов демократизации и олигархизации. Схематически ее можно представить в виде зигзагообразных колебаний между условными полюсами “демократия” – “авторитаризм” (см. рисунок).

На рисунке использована, модифицированная в виде схемы, модель трансформации политических систем Р. Даля [Даль 2002: 9-13]. Схема показывает, что с усилением политической конкуренции и увеличением политического участия политический режим в Украине приближался к демократии. Когда же эти процессы приостанавливались, тогда и формальные и неформальные правила осуществления власти (режима) приобретали авторитарный характер.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УКРАИНЕ В 2005-2009 гг.

После смены власти в ходе событий ноября-декабря 2004 г. мог начаться новый этап общественных и политических трансформаций, но он остановился и постепенно перерос в кризис. Одновременно закончился десятилетний период авторитарной стабильности. Динамика политических процессов заметно ускорила. Используя терминологию Д. Истона, можно утверждать, что политическая система оказалась не готова реагировать на многочисленные вызовы, исходящие из внутренней и внешней среды. Правительственный кризис сентября 2005 г., парламентско-правительственный кризис января 2006 г., парламентский кризис июля 2006 г., институциональный кризис апреля – июня 2007 г., системный кризис сентября – декабря 2008 г., а также многочисленные эпизоды обострения отношений с Россией – основные политические потрясения Украины последних лет.

“Оранжевая революция” стала фактором нарушения геополитического равновесия в Евразии, ранее обеспечиваемого доминированием России. Смена власти в Грузии и Украине воспринималась Москвой как угроза ее стремлению вернуть былое могущество путем реализации модели “либеральной империи” и преобразования России в ключевого поставщика энергоресурсов для многих европейских и большинства постсоветских государств.

Накануне президентских выборов 2010 г. я рассматривал два сценария развития политических событий, причем каждый из них предполагал внесение изменений в конституцию, т.е. изменения формальных правил политической игры.

Первый – избрание президентом оппозиционного политика и дальнейшее усиление президентских полномочий с целью преодоления экономического спада и обеспечения политической стабилизации. В зависимости от кандидатуры избранного президента реализация этого сценария предусматривала переход либо к президентско-парламентской, либо к президентской форме правления. В случае успешного преодоления политического и экономического кризисов открывалась возможность укрепления демократических правил и процедур с последующей консолидацией демократии.

Второй – внесение изменений в конституцию и усиление полномочий премьер-министра. Президент в этом случае мог бы избираться либо всенародно, либо парламентом, либо должность президента могла быть вообще упразднена. В этом случае в Украине возможным было бы формирование премьерского (“канцлерского”) правления в условиях парламентско-президентской или парламентской республики. Опять же, в случае преодоления политического хаоса и экономического кризиса, возможность консолидации демократии становилась бы реальной. И первый, и второй сценарий предусматривал усиление исполнительной вертикали власти. Это указывает на

то, что существовала возможность “сползания” к авторитаризму. Однако такой вариант развития событий мне представлялся менее вероятным.

Сегодня, спустя год после разработки этих сценариев, очевидным оказывается существенный просчет. Трудно было предположить, что системные политические решения (способ формирования парламентской коалиции, подписание и ратификация соглашений о продлении срока пребывания Черноморского флота РФ в Севастополе) будут приниматься с откровенным нарушением действующих правил и процедур. Теперь ясно, что получив контроль над ключевыми институтами и ветвями власти, конкурирующие олигархические группы, объединенные в Партии регионов, будут действовать без формальных, конституционных и моральных ограничений, рассчитывая на получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки. Государство все больше рассматривается как инструмент для извлечения прибыли и утрачивает смысл как политическое образование. Все разговоры о перезагрузке системы путем компромисса и согласия “играть по правилам” утратили смысл. Перезагрузка происходит неправовым способом, заставляющим рассматривать иные сценарии. Один из них был упомянут выше как “сползание” к авторитаризму.

Возможность реализации этого сценария обуславливается не формальными изменениями в конституции и усилением полномочий президента, а действиями В.Януковича, направленными на создание единой вертикали власти, подконтрольной одной политической силе. Украина уже фактически вернулась к президентской республике, хотя никаких изменений в полномочиях президента не произошло. Возникает вопрос: сможет ли контроль над Парламентом, Кабинетом Министров и Конституционным судом, в условиях отсутствия объединенной оппозиции, привести к возвращению авторитаризма?

Несмотря на многочисленные предостережения о возможности отката к авторитаризму, появившиеся в последнее время в украинских СМИ, этот сценарий, как и раньше, кажется мне маловероятным. Большинство структурных и процедурных ограничений, которые тормозили движение к демократии, будут удерживать Украину от сползания к авторитаризму.

Во-первых, президентские полномочия В.Януковича уже не те, что были у Л.Кучмы. Если их и удастся вернуть путем референдума, достичь полного контроля над олигархами и оппозицией будет достаточно сложно.

Во-вторых, даже если предположить, что полномочия будут возвращены и контроль над ключевыми институтами государства, олигархами и оппозицией будет установлен, это еще не гарантирует контроля над информационным пространством и общественными настроениями. Свобода слова и условия деятельности СМИ хоть и не достигли стандартов либеральной демократии, однако обеспечивают несравнимо больший доступ к информации, чем в Беларуси или в России. Президентство В.Ющенко в этом смысле не прошло даром. Хотя демократические институты не прижились в Украине, ограничения свободы слова, политического участия и конкуренции будут восприняты большей частью граждан Украины как неприемлемая потеря и, поэтому, вероятность массового протеста будет как дамоклов меч висеть над президентом.

В-третьих, в государстве отсутствует эффективный аппарат принуждения и профессиональная бюрократия, без которых авторитарный режим не может существовать. Без этих двух институтов невозможно обеспечить полный

контроль над государством. Быстро обучить и реформировать бюрократический аппарат и силовые органы не удастся, на это нужно время, единое политическое пространство, консолидированное общество и элита. Опыт Грузии, в случае желания проведения реформ, мог бы быть полезным. Однако сто дней президентства В.Януковича говорят об отсутствии такой готовности.

В-четвертых, препятствием на пути возвращения к авторитаризму станут традиционные расколы в Украине — цивилизационный, между европейской и евразийской идентичностью, религиозный — между несколькими конфессиями и церквями, идеологический — между национально-государственным и постколониальным статусом Украины, геополитический — между европейским и российским центрами притяжения и, наконец, политический — между конкурирующими элитами и ПЭГ. Глубокая фрагментация элит усложняла им “игру по правилам” во времена Кучмы и Ющенко. Та же причина будет мешать Януковичу создать единое политическое пространство, что является одним из необходимых условий установления авторитаризма. Так что, если отсутствие национального единства тормозило движение Украины в направлении демократии, то теперь та же причина будет препятствовать движению в направлении авторитаризма.

В-пятых, ни Западу, ни России не выгодно установление в Украине авторитарного режима. ЕС на словах заинтересован в распространении демократии и либеральных ценностей, но на деле готов сотрудничать и с диктаторами, чтобы обеспечить себя нефтью и газом. Но появление еще одной страны с авторитарным режимом на границах ЕС для него крайне нежелательно. Поэтому ЕС и США, хотя и “устали от Украины”, однако вполне осознают, что их ждет в случае пре- 34вращения Украины в “еще одну Беларусь”. Кремль, в свою очередь, также не заинтересован в том, чтобы в Киеве появился второй Лукашенко. Российскому руководству выгодно, чтобы Украина все глубже сползала в тень России, пребывая в постоянных кризисах и проблемах. Такой стране всегда можно прийти на помощь и посоветовать ее руководству, как следует поступить. Наконец “*Failed State*” (страна-неудачник) — показательный пример и своего рода “урок” для собственного населения, для его мобилизации и манипуляции им.

Какой же вариант выглядит более вероятным? По моему мнению, Украине угрожает не авторитаризм, а бюрократически-административный произвол, который проявляется в пренебрежении законом государственными служащими различных рангов, злоупотреблении служебным положением, увеличении коррупции и сужении публичной сферы. В этой ситуации рациональной стратегией для населения является приспособление, а не сопротивление. Такая постепенная “заиризация” (термин О. Мотыля) может привести к сужению государства до выполнения только фискальных, надзорных и репрессивных функций и, наконец, до превращения Украины в страну-неудачника. Провал нового президента и премьеры в борьбе с политическим и экономическим кризисом может привести к еще худшим последствиям — развитию политических патологий, т.е. углублению кризиса, усилению политических конфликтов, полному нивелированию любых правил политической игры, и как следствие, к распаду системы.

Если в конце президентства В.Ющенко мы задавали вопрос: как заставить элиты играть по правилам, то после ста дней президентства Януковича этот вопрос звучит неактуально. Пришедшая к власти команда не будет и не хочет

играть по правилам. Теперь приходится думать о том, чтобы не потерять государство и не допустить его превращения в черную дыру бесправия. Что сделать, чтобы этого не случилось? Проверенным методом в борьбе с произволом является гражданская самоорганизация, развитие горизонтальных сетей и защита политических и гражданских прав по всей “линии фронта”. Благо опыт, накопленный во время десятилетия правления Л.Кучмы, еще не утрачен.

Банс В. 2007. Сравнительное изучение демократизации: широкие и ограниченные обобщения. — *Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Вып. 5.

Гельман В. 2007. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе. — *Полис*, № 2.

Даль Р.А. 2002. *Поліархія. Участь у демократичному житті і опозиція*. Харків: Каравелла.

Захаров Є. 2005. Усвідомлена необхідність правозахисту. — *Критика*, № 12.

Колодій А. 1999. До питання про політичний режим в Україні. — *Сучасність*, № 7-8.

Колодій А. 2005. Від „Сірої зони” до кольору сонця: Помаранчева революція і демократичний перехід в Україні. — *Агора*. Вип.1. Режим доступа: <http://www.kennan.kiev.ua/kkp/publications.htm>

Маркс К. 1959. *Злиденність філософії*. — Маркс К., Енгельс Ф. Твори. Вид. 2-е. Т. 4. *Матеріали Центра соціальних експертиз при Інституті соціології Національної Академії Наук України*. Режим доступа: http://csep.org.ua/rus/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=36&Itemid=67

Мацієвський Ю. 2005а. “Помаранчева революція” крізь призму міждисциплінарних соціальних досліджень. — *Політичний менеджмент*, № 6. Режим доступа: <http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=1&n=46&c=957>

Мацієвський Ю. 2005б. „Помаранчева революція” крізь призму транзитології. — *І*, № 40. Режим доступа: www.ji.lviv.ua/n40texts/macijevskij.htm

Мацієвський Ю. 2010. Еліти в Україні до і після “Помаранчевої революції”. — *Політичний менеджмент*, № 2.

Меркель В., Круассан А. 2002. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. — *Полис*, № 1, № 2.

Мозоль М.І. 2010. *Політичний режим в Україні в період президентства В.Ющенка. Дипломна робота на здобуття освітньо-кваліфікаційного рівня магістра політології. Національний університет “Острозька Академія”*. Острог.

Отчет Transparency International. 2009. Режим доступа:

http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009/cpi_2009_table

Полохало В. 1992. Політична арена України. — *Філософська і соціологічна думка*, № 4.

Полохало В. 1996. Метаморфози посткомуністичної влади. — *Сучасність*, № 9.

Полохало В. 1998. Політологія посткомуністичних суспільств в Україні та Росії. — *Політична думка*, № 2.

Програма „Выборы 2006”, эфир от 9 марта 2006 г. на телеканале “1+1”.

Рябчук М. 2004. *Зона Відчуження. Українська олігархія між Сходом і Заходом*. К.: Критика.

Стенограмма брифинга Ю.Тимошенко. Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/news/2008/12/18/86400.htm>

Фисун А. 2006. *Демократія, неопатримониалізм і глобальні трансформації*. Харків: Константа.

Фисун А. 2007. Концепція неопатримониалізму в сучасній політичній теорії: уроки для “четвертої хвилі” демократизації. — *Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Вып. 5.

